

УДК 821.131.1-31 «20/21»:82'01

ОЛЬГА СЕМЕНЕЦ

(Симферополь)

ОРФИЧЕСКИЕ МИСТЕРИИ В РОМАНЕ БЕРНАРА ВЕРБЕРА «ТАНАТОНАВТЫ»

Ключові слова: Б. Вербер, Франція, Орфей, містерія смерті, орфізм, ініціація.

Рубеж XX–XXI веков становится серьёзным Рубиконом для человечества. В эпоху стремительных глобализационных процессов и информационного прогресса «возрастают диспропорции между развитием человеческой индивидуальности, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не видно предела во времени» [12]. Человек неспособен воспринять и усвоить поступающее ежедневно количество информации, а сопоставить ее с уже имеющимся багажом «интертекстуальной энциклопедии знаний» (У. Эко) становится и вовсе невыполнимой задачей. По мнению М. Эпштейна [12], проблема отчуждения, сформулированная ещё в XIX веке, на исходе века XX решается снятием самой проблемы реальности. Все воспринимается как знаковая поверхность, а обилие этих знаков приводит к тому, что индивид перестаёт пытаться понять их значение и проникнуть в глубину вещей.

Литература рубежа веков также утрачивает связь с реальностью, отказывается от того субстрата человеческого опыта, который веками ее питал. Поскольку все уже когда-то кем-то было сказано, современные писатели соревнуются между собой лишь в усовершенствовании техники повествования. Именно в этом Ж. Грак видит причину кризиса литературы конца XX века, отве-

чая на собственный вопрос «Почему литературе трудно дышать?» [3].

Но проблема уже наполовину решена, когда она осознается. Конец XX века подвёл итог всех достижений и промахов человечества. Новое тысячелетие ознаменовало новую веку в развитии общества, когда на руинах старого человек пытается строить новую модель миропонимания. В этот момент наиболее приемлемым ориентиром для него становится античность, а иногда даже более древний период, та колыбель цивилизации, где в синкретичном виде существовали все социокультурные бинарные оппозиции человечества. Другими словами, «античность совершенно необходима в те времена, когда переосмысливается фундамент культуры, когда нигилизм пытается оторвать человека от его естественной почвы» [7, с. 8–9].

Объектом исследования в данной статье является роман одного из самых популярных писателей современной Франции Бернара Вербера «Танатонавты» (1994), впервые переведенный на русский язык только в 2009 году.

Предмет анализа – архаические мистерии смерти и их роль в реализации авторского замысла. *Цель* работы – выявить специфику верберовской рецепции древних инициационных ритуалов в сегодняшнем социокультурном пространстве и определить причину неугасающей популярности писателя.

Роман «Танатонавты» (от греческого *tanatos* – смерть и *nautes* – мореплаватели) повествует о вполне удачной попытке двух друзей, Рауля и Мишеля, раскрыть тайну смерти, найдя, исследовав и описав «Континент Мертвых» [2, с. 50].

Любое литературное произведение является реакцией на существующую действительность, обнаруживая лакуны в картине мира современного человека, заполнить которые предстоит будущим поколениям. Постигание тайны смерти во все времена было краеугольным камнем религии, науки и искусства. Попытки приручить смерть, продлив своё земное существование, особенно участились во второй половине XX века (пересадка органов и вживление механических имплантов, искусственная кома, крионика, клонирование и многое другое), но не сняли проблему первобытного ужаса человека перед неизвестностью, которую несёт физическая смерть. Кризис христианства, назревший на рубеже эпох, только усугубил ситуацию.

Перенеся действие романа в 2062 год, то есть, повествуя о возможном ходе событий в будущем, Б. Вербер заключает с читателем «акт приостановки недоверия» (У. Эко, С. Кольридж) и приглашает его к сотворчеству. Писатель рассчитывает на высокую «интертекстуальную компетенцию» (У. Эко) реципиентов, отсылая их к поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика».

Среди героев античного мифа о путешествии Ясона с командой за золотым руном одним из главных является Орфей, поэт и музыкант, искусство которого обеспечило успех предприятию аргонавтов. Разноплановый образ Орфея становится продуктивным и для выражения авторских идей в романе «Танатонавты».

Обращение к образу Орфея было актуальным всегда, но каждая эпоха акцентировала какую-либо определённую ипостась этого полумифического героя. В эпоху раннего Средневековья, благодаря пасторальным мотивам мифа о сошествии Орфея в поисках Эвридики в царство мёртвых, его сопоставляли

с образом Христа-Пастыря и с образом Христа, спускающегося в ад и преодолевающего смерть. Для гуманистического Возрождения это «идеал, символизирующий мудреца и пророка, ведущего за собой тех, кто ищет религиозную и философскую истину» [4, с. 54]. Для романтиков XIX века актуальна сюжетная линия Орфея и Эвридики как идеалов верности в любви и жертвенности. XX век воплотил в образе Орфея концепт искусства и пытался решить проблему предназначения художника в этом мире. То есть каждый аспект античного мифа становился актуальным, когда находил «модель своего возможного читателя» (У. Эко). Социокультурные коды, разделённые тысячелетиями, соприкасались, накладывались, оставляя без внимания иные грани мифа.

Б. Вербера интересует наиболее архаическая функция Орфея, которая была актуальна и для древних греков. Они рассматривали мифического героя как основателя эзотерического учения, повлиявшего, в соответствии с легендой, на учение Пифагора и Платона. Орфеем «Танатонавтов» в романе Б. Вербера становится Мишель Пэнсон. Его вклад в танатонавтику, пионером и идеологом которой он являлся, неоценим, поскольку с его помощью была раскрыта тайна смерти, что повлекло за собой изменения мировоззренческой модели всего общества. На то, что именно Мишель, а не его соратник и руководитель экспедиции Рауль, стал современным Орфеем, автор указывает читателю путём множества семантических экспликаций, решающей из которых становится аллюзия на историю Орфея и Эвридики. Мишель, потеряв любимую жену Розу из-за фатального несчастного случая, отправляется за ней в потусторонний мир и успешно возвращает ее обратно к живым.

Вернёмся к реализации в романе образа Орфея как основателя тайных учений, иерофанта Элевсинских и учредителя Орфических мистерий смерти. По свидетельству М. Элиаде, древние шаманы – или более поздние греческие и римские мистагоги – становились избранными одним из нескольких способов: «1) по спонтанному призыванию («зов», «избранничество»); 2) по наследственной передаче «профессии» шамана; 3) по личному решению или, реже, по воле клана. Но каким бы ни был способ отбора, шаманом признается лишь тот, кто получил двойное наставление: 1) экстатического порядка (сны, видения, транс и т. д.) и 2) традиционного порядка (шаманская техника, имена и специализация духов, мифология и генеалогия клана, тайный язык и т. д.). Эта двойная подготовка, обеспеченная духами и старыми шаманами, и представляет собой посвящение» [11, с. 134]. Мишель в детстве пережил автомобильную аварию и три часа был без сознания, что повлекло за собой повышенный интерес к теме смерти и загробного существования, поскольку он ощутил себя побывавшим на том свете. Личное же решение оформилось после визита в клинику для неизлечимо больных, которую он сравнил с храмом («Все равно как проникнуть в храм белизны со снующими повсюду магами в белых одеяниях и юными жрицами, <...>. Все было упорядочено, как античная хореография. На замызганные койки санитары укладывали перебинтованные жертвоприношения. Юные жрицы их распаковывали и потом транспортировали в облицованные кафелем залы, где жрецы высшего ранга, коих можно было опознать по их квадратным хирург-

гическим маскам и прозрачным перчаткам, совершали над ними пассы, будто вновь прибывшие оказались здесь, чтобы узнать судьбу у авгуров-прорицателей. <...>. Я тоже захотел стать белым жрецом» [2, с. 43]. Встреча со смертью в детстве, медицинское образование (стал анестезиологом, изучил технику ввода человека в искусственную кому), знания, которые Мишель черпал из древних танатологических текстов, и специфический терминологический аппарат, изобретённый им и Раулем для объяснения того, чем они занимались, – все это сделало Пэнсона избранным. Заметим, что античный Орфей тоже овладел знаниями в области медицины во время своего путешествия в Египет. К тому же у Мишеля наблюдались определённые психические расстройства. По свидетельству М. Элиаде, это также являлось отличительной чертой шаманов во многих доисторических культах.

Как и Орфей, мистагог-наставник в Элевсинских мистериях, Мишель готовил танатонавтов-испытателей к полётам в потусторонний мир, способствовал получению ими сакральных знаний. На первых этапах экспедиций в преисподнюю более 200 человек погибло. Это объясняется неопытностью самого иерофанта-Мишеля и неподготовленностью мистов к совершению обряда посвящения. В древние времена инициационным процессам предшествовали месяцы подготовки мистов и их постепенное просвещение мистагогом, даровавшим первым тайные знания. Мишель и Рауль сами были, по сути, первопроходцами, обладающими только теоретическими знаниями в области смерти, то есть частично посвящёнными. Истинными же Великими Посвящёнными они стали лишь тогда, когда совершили собственный полет на Континент Мёртвых. Путём проб и ошибок, проходя различные инициационные испытания, которые всегда сопровождали мистерии смерти, они, наконец, постигли великую тайну судьбы души в загробном мире. Орфическая религия [8], отображённая в орфических гимнах [6], гласит, что душа бессмертна и должна пройти через многочисленные материальные формы в процессе её бесконечного совершенствования. Учение орфиков представляло собою практическую мораль, с целым катехизисом правил и установлений. Чтобы вернуться к Богу, часть Которого живёт в каждом человеке, он [человек] должен очиститься и пройти целый ряд подвигов воздержания и очищения. Об обязанностях, целях и судьбе человека, ищущего очищения, и говорит, главным образом, орфическое учение. Душа человека, находясь в теле, испытывает рабство; она пребывает в темнице и, чтобы выйти из неё, должна пройти длинный путь освобождения. Естественная смерть, перенося на время душу из царства жизни в подземное царство (загробный мир), освобождает её лишь на время. Душе предстоит пройти ещё долгий «круг необходимости» [1, с. 220] путём переселения в другие тела, чтобы, наконец, «освободиться от круга и вздохнуть от зла» [1, с. 221]. Если, наконец, душа очистилась, то она выходит из цепи земного бытия – а это, по учению орфиков, цель всей человеческой жизни. Бессмертная душа, избавившись от греха, должна победить смерть, а так как на земле – царство смерти, то чистой душе суждено переселиться в царство Богов. Эти же знания открываются и Мишелю, а он несёт их людям. Единственная ошибка Посвящённого состояла в том, что тайна смерти стала доступна каждому, растиражирована и популяризирована в обществе потребителей.

Это повлекло за собой цепь трагичных событий (создание индустрии смерти, череду самоубийств, регрессивные процессы в социокультурной сфере, нивелирование моральных и этических ценностей). Когда на небесах решили прекратить всю эту вакханалию, на земле начались катаклизмы. Мишель и Рауль погибли, предстали перед судом архангелов. Вместе с танатонавтами исчезли и их знания. «Визитёры рая» [2, с. 111] стали «не более чем сомнительной легендой, в которую никто по-настоящему не верит» [2, с. 505]. Тайные знания во все времена открывались избранным, тем, кто стремился к ним всей душой. Однако мессии разных религий и культов окутывали эти сакральные откровения мифическим и фантастическим ореолом и лишь направляли мистов, давая человеку самому познать неизведанное. А Великие Посвящённые «разгласили смысл жизни и погубили самое важное: любознательность, жажду познаний, стремление идти вперёд, к спасению» [2, с. 505]. Согласно Мэнли П. Холлу, Орфея тоже погубило его стремление открыть людям мудрость богов и посредством музыки передать им сакральные знания [5].

Таким образом, роман Б. Вербера «Танатонавты» является реакцией писателя на современную десакрализованную действительность, где человек лишён религиозного опыта, существуя в десакрализованном обществе. Мистерии смерти и рудименты инициационных ритуалов, которые, по мнению М. Элиаде, являются подсознательным проявлением верований и языка *homo religiosus*, становятся сознательной авторской стратегией. Широкая популярность романа свидетельствует об обретении им своего возможного читателя, стремящегося проникнуть в глубины неизвестного. Автор актуализирует потребность современного читателя в ресакрализации истинных знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: в 82 т. / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – Т. 43. – С. 220–221.
2. Вербер Б. Танатонавты / Б. Вербер; [пер. с франц. и прим. И. В. Судакевича]. – М. : GELEOS Publishing House (Кэпитал Трейд Компани) : РИПОЛ Классик, 2011. – 512 с.
3. Грак Ж. Почему литературе трудно дышать? / Жюльен Грак // Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / Н. Пьеге-Гро ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – С. 213–216.
4. Макарова Н. И. Образ Орфея в культуре Возрождения / Н. И. Макарова // Вестник Томского государственного университета. – Вып. № 346. – 2011. – С. 53–56.
5. Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл ; пер. В. Целищева. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 540 с.
6. Орфей : Языческие таинства. Мистерии восхождения : пер. с греч. класс. / поэт. пер. И. А. Евса ; предисл. и коммент. А. Шапошников. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 431 с. : ил. – (Антология мудрости) .
7. Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев : Жизнь и творчество / А. А. Тахо-Годи // Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века). – С. 5–20.
8. Фрагменты ранних греческих философов. (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. – М. : Наука, 1989. – С. 39–71.
9. Шюре Э. Великие посвящённые : Рама. Кришна. Гермес. Моисей : очерк эзотеризма

религий / Э. Шюре ; пер. с фр. Е. Писарева. – СПб. : Изд. Группа «Азбука-классика», 2008. – 288 с.

10. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Эко Умберто ; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб. : «Симпозиум», 2005. – 502 с.

11. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – М. – СПб. : Университетская книга, 1999. – 356 с.

12. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. – Режим доступа : <http://www.russ.ru/journal/travmp/98-10-08/epsht.htm>

ОЛЬГА СЕМЕНЕЦ

ОРФИЧЕСКИЕ МИСТЕРИИ В РОМАНЕ БЕРНАРА ВЕРБЕРА «ТАНАТОНАВТЫ»

В статье проведен анализ романа Б. Вербера «Танатонавты» с точки зрения реализации в нем наиболее древней функции легендарно-мифического философа Орфея, мистагога в тайных мистериях смерти. Орфей предстает в образе ученого-танатонавта Мишеля Пэнсона, приобщающего к инициационным мистериям все человечество, нивелируя посвященность как таковую. В выводах актуализируются зияния в картине мира современного индивидуума и пути решения назревших проблем.

Ключевые слова: *Б. Вербер, Франция, Орфей, мистерия смерти, орфизм, инициация.*

OLGA SEMENETZ

THE ORPHIC MYSTERIES IN THE NOVEL «TANATONAUTY» OF BERNAR WERBER

In the article the analysis of the novel B. Multiplex «Thanatonautes» from the point of view of the realization of the most ancient function of the legendary and mythical philosopher of Orpheus, mistagog in the secret mysteries of death. Orpheus, appears to be a scientist thanatonauts Michel Persona that introduces students to the initiation mysteries all mankind, reducing the dedication as such. In the conclusions updated siania in the modern picture of the world of the individual and the ways of solution of urgent problems.

Key words: *B. Werber, France, Orpheus, the mystery of death, orphism, initiation.*

Одержано 28.04.2014 р.